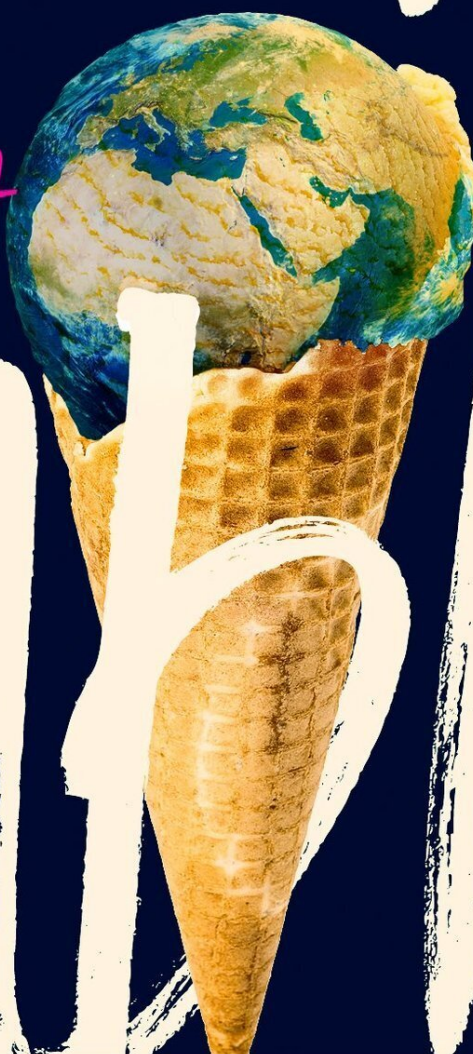

INSPIRIA

Джонатан
Сафран

ФОР

ПОГОДА

МЫ

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Джонатан Сафран Фоер

Погода – это мы

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Фоер Д.

Погода – это мы / Д. Фоер — «Эксмо», 2019 — (Loft.
Современный роман)

ISBN 978-5-04-113306-1

Каждый день, что мы провели на Земле, вел к настоящему моменту. Технический прогресс, промышленная революция, формирование потребительского общества - все это вызвало изменения климата, которые теперь угрожают нашей жизни. Через призму собственного опыта — и масштабного опыта всего человечества — Джонатан Сафран Фоер смотрит на современный мир и побуждает открыть глаза вместе с ним. «Погода — это мы» — пронзительный, громкий, автобиографичный роман. Он столь же о личности, сколь и о коллективной силе людей. Ведь на самом деле если наше пребывание вызвало настолько страшные последствия, то стоит лишь пожелать — и одно слаженное усилие станет шагом к их устранению. Фоер уверен: спасти планету под силу каждому из нас. Что мы предпримем ради лучшего будущего? «Книга Джонатана Сафрана Фоера изменила меня, превратив из вегана с двадцатилетним стажем в вегана-активиста». — Натали Портман «Заслуживает места среди величайших философов». — Los Angeles Times В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-113306-1

© Фоев Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Часть первая	7
Антология смерти	7
Никакой жертвы	9
Неудачный материал	12
Я знаю, что ничего не знаю	15
Уезжай, поверь, живи	18
Истерическое	19
Игры на чужом поле	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Джонатан Сафран Фоер

Погода – это мы

Jonathan Safran Foer

We Are the Weather. Saving the planet begins at breakfast

Copyright © 2019 by Jonathan Safran Foer

© Нуянзина Мария, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Саше и Саю, Сэди и Тео, Лео и Беа

Часть первая

То, во что невозможно поверить

Антология смерти

Древнейшая предсмертная записка¹ была написана в Древнем Египте около четырех тысяч лет назад. Переводчик оригинала озаглавил ее «Спор с душой того, кто устал от жизни». Первая строчка гласит²: «Я открыл рот, обратившись к своей душе, дабы ответить на то, что она мне сказала». Кренгуя между прозой, диалогом и поэзией, далее следуют попытки человека убедить душу согласиться на самоубийство.

Я узнал об этой записке из «Антологии смерти», сборника фактов и баек, объединившего предсмертные желания Вергилия и Гудини, элегии на смерть додо и евнуха, объяснения ископаемых находок, электрического стула и вымирания видов в результате деятельности человека. В детстве я не отличался особой мрачностью, но несколько лет подряд везде таскал с собой эту мрачную книжечку в мягкой обложке.

Кроме того, «Антология смерти» просветила меня, что каждый мой вздох содержит молекулы последнего вздоха Юлия Цезаря. Этот факт был упоителен – пространство и время волшебным образом сжались, соединив то, что казалось мифом, с моей собственной жизнью, в которой я сгребал в кучу осенние листья и тупил в примитивные видеоигры, дело было в Вашингтоне, округ Колумбия.

В смысл этого факта было почти невозможно поверить. Если я только что вдохнул последний вздох Цезаря (*Et tu, Brute?*³), то я должен был вдохнуть и бетховенский («На небесах я буду слышать»), и дарвиновский («Ничуть не боюсь умирать»⁴). И последний вздох Франклина Делано Рузвельта, и Розы Паркс, и Элвиса, и пилигримов, и американских индейцев, участвовавших в первом Дне благодарения, и автора первой в истории предсмертной записки, и даже своего деда, которого никогда не видел. Будучи потомком выживших [в холокосте], я представлял, как последний вздох Гитлера просачивается сквозь трехметровую крышу бетонного Фюрербункера, девятиметровую толщу немецкого грунта и растоптанные розы рейхскапелярии, прорывает Западный фронт и пересекает Атлантический океан, чтобы спустя сорок лет оказаться перед окном моей детской на втором этаже и надуть меня, словно шарик на годовщину смерти.

Если я вдохнул их *последние* вздохи, то наверняка вдохнул и *первые*, а также все, испущенные ими в промежутке. А также все вздохи всех на свете. И вздохи не только людей, но и животных: песчанки из школьного живого уголка, умершей у нас дома, еще теплых кур, которых бабушка ощипывала у себя в Польше, последний вздох последнего странствующего голубя. С каждым вздохом я вбирал в себя историю жизни и смерти на планете Земля. Благодаря этой мысли я взглянул на историю с высоты птичьего полета и увидел бесконечную паутину, сотканную из одной нити. Когда Нил Армстронг ступил ногой на поверхность Луны и произнес свое знаменитое «Один маленький шаг для человека...», сквозь поликарбонат светочувствительного фотоаппарата он послал вовне – отправил в беззвучный мир – молекулы, исторгнутые Архимедом с воплем «Эврика!», когда он мчался нагишом по улицам древних Сиракуз, обнаружив, что масса воды,

---

¹ Древнейшая предсмертная записка: Erman, *Ancient Egyptians*.

² Первая строчка гласит: "Dialogue of a Man with His Soul."

³ И ты, Брут! (лат.) (Здесь и далее прим. перев.)

⁴ «Ничуть не боюсь умирать»: Kearsley, *Endings*, 49.

вытесненная его телом из ванны, была равна массе его тела. (В компенсацию за вес взятого на Землю лунного грунта Армстронг оставил на Луне калошу от своего скафандра⁵). Когда Алекс, африканский серый попугай⁶, обученный говорить на уровне пятилетнего ребенка, изрек свои последние слова: «До завтра, будь паинькой. Люблю тебя», – он одновременно исторг пыхтение ездовых собак, тянувших Роальда Амундсена через ледяные просторы, которые с тех пор растаяли, извергнув крики экзотических тварей, которых возили в Колизей на убой гладиаторам. Самым поразительным для меня было то, что во всем этом было место и для меня, и что я не мог бы покинуть его, даже если бы захотел.

Конец Цезаря одновременно был началом: вскрытие его тела оказалось в числе первых задокументированных процедур такого рода, благодаря чему нам и стало известно, что ему нанесли двадцать три кинжальных удара. Нет больше тех железных кинжалов. Нет пропитанной кровью тоги. Нет больше курии Помпея, где он был убит, а от метрополиса, где она стояла, остались одни руины. Нет больше Римской империи⁷, когда-то занимавшей почти пять миллионов квадратных километров с населением в одну пятую населения всего земного шара, чье исчезновение было так же невообразимо, как исчезновение самой планеты.

Трудно придумать более эфемерный артефакт цивилизации, чем вздох. Но невозможно придумать более долговечный.

Несмотря на все мои воспоминания, никакой «Антологии смерти» не было. Когда я попытался подтвердить ее существование, то нашел вместо нее книжку под названием «Необычайные смерти всех и вся, собранные Чарльзом Панати», изданную, когда мне было двенадцать. Там есть про Гудини, про ископаемые находки и многое другое, осевшее у меня в памяти, но нет ничего ни про последний вздох Цезаря, ни про «Спор с душой», о которых я, вероятно, прочел где-то в другом месте. Эти небольшие поправки меня расстроили – не потому, что были важны сами по себе, а потому, что поколебали отчетливость моих воспоминаний.

Я расстроился еще больше, когда искал информацию о первой предсмертной записке и размышлял о ее заглавии или скорее о том, что она вообще была как-то озаглавлена. То, что наши воспоминания ошибочны, уже достаточно неприятно, но перспектива самому стать таким ошибочным воспоминанием – уже повод надолго потерять душевное равновесие. Доподлинно неизвестно даже то, совершил ли автор записки самоубийство. «Я открыл рот, обращаясь к своей душе», – пишет он в начале. Но последнее слово – за душой, которая убеждает человека «цепляться за жизнь». Мы не знаем, как он ответил. Вполне возможно, что спор с душой окончился выбором жизни, что отсрочило последний вздох автора. Возможно, противоборство со смертью открыло ему самую убедительную причину остаться в живых. Та предсмертная записка как ничто другое похожа на свою противоположность.

⁵ Калошу от своего скафандра: Bethge, "Urine Containers, 'Space Boots' and Artifacts Aren't Just Junk."

⁶ Африканский серый попугай: Carey, "Parrot Who Had a Way with Words."

⁷ Нет больше Римской империи: Taagepera, "Size and Duration of Empires."

Никакой жертвы

Во время Второй мировой войны американцы в городах на Восточном побережье с наступлением темноты выключали свет. Непосредственная опасность им не угрожала⁸, целью затемнения было помешать немецким субмаринам использовать городское освещение для обнаружения и уничтожения кораблей, выходивших из гавани.

С дальнейшим ходом войны затемнения стали устраивать по всей стране, даже далеко от побережья, чтобы вовлечь гражданское население в конфликт, ужасы которого оставались вне поля его зрения, но победа в котором требовала всеобщих усилий. Американцам в тылу было необходимо напоминание о том, что их привычная жизнь под угрозой, и единственным способом осветить эту угрозу была темнота. Пилоты Патруля гражданской авиации получали задания прочесывать в поисках вражеских самолетов небо над Средним Западом, несмотря на то что ни один немецкий истребитель того времени не был способен залететь так далеко. Солидарность была важным вкладом, даже если подобные жесты могли бы показаться глупыми – даже самоубийственными, – если бы, кроме них, больше ничего не предпринималось.

Вторая мировая война не была бы выиграна без сражения на тыловом фронте, которое имело как психологический, так и практический эффект: обыватели объединились во имя великого дела. Во время войны выработка промышленных производств увеличилась на 96 %. Грузовые суда типа «Либерти», на постройку которых в начале войны уходило восемь месяцев, сооружались в считанные недели. Пароход «Роберт Е. Пири»⁹ – грузовое судно типа «Либерти», состоявшее из двухсот пятидесяти тысяч частей общим весом в четырнадцать миллионов фунтов¹⁰ – был собран за четыре с половиной дня. К 1942 году компании, ранее производившие автомобили, холодильники, металлическую офисную мебель и стиральные машины, перешли на производство военной продукции. Бельевые фабрики стали выпускать камуфляжную сетку¹¹, счетные машины переродились в огнестрельное оружие, а легкие из мешков для пылесосов пересаживались в тела противогазов. В трудовые ряды встали пенсионеры, женщины и школьники¹² во многих штатах изменили трудовое законодательство, разрешив подросткам работать. Товары повседневного спроса – резина, жестяные банки, алюминиевая фольга и древесина – собирались на переработку для нужд фронта. Голливудские студии вносили свой вклад, выпуская кинохронику, антифашистские художественные фильмы и патриотические мультфильмы. Знаменитости агитировали за покупку военных облигаций¹³, а некоторые, как Джулия Чайлд, становились тайными агентами.

Конгресс увеличил налоговую базу, понизив минимальный налогооблагаемый доход и сократив исключения и вычеты для физических лиц. В 1940 году федеральный подоходный налог платили только 10 % американских рабочих. К 1944 году это количество достигло 100 %. Верхний предел налогообложения был поднят до 94 %, а доходы, попадающие под этот предел, снижены в двадцать пять раз¹⁴.

Правительство установило – с согласия американцев – регулирование цен на нейлон, велосипеды, обувь, дрова, шелк и уголь. Бензин выдавался по жестким квотам¹⁵, и по всей

⁸ Им не угрожало: Gannon, *Operation Drumbeat*.

⁹ Пароход «Роберт Е. Пири»: Robert E. Peary: American Merchant Marine at War, "Liberty Ship SS Robert E. Peary."

¹⁰ Примерно 6350 тонн.

¹¹ Выпускать камуфляжную сетку: Rosener, *Women in Industry*.

¹² Пенсионеры, женщины и школьники: Ossian, *Forgotten Generation*, 73.

¹³ Покупку военных облигаций: Fitch, "Julia Child."

¹⁴ Снижены в двадцать пять раз: Roosevelt, "Executive Order 9250."

¹⁵ Бензин выдавался по жестким квотам: Perrone and Handley, "Home Front Friday."

стране ввели ограничение скорости в тридцать пять миль в час¹⁶, чтобы снизить расход топлива и резины. Правительство США выпускало плакаты с агитацией за совместные поездки на автомобилях, гласившие: «Когда ты едешь В ОДИНОЧКУ¹⁷, ты едешь с Гитлером!»

Фермеры – гораздо меньшим числом и с меньшим количеством техники – приумножали урожаи, а «нефермеры» сажали «огороды победы», устраивая микрофермы на задних дворах и пустырях. Основные продукты питания, главным образом сахар, кофе и сливочное масло, выдавали по карточкам¹⁸. В 1942 году правительство запустило кампанию под названием «Поделись мясом», убеждая каждого взрослого американца ограничить потребление мяса двумя с половиной фунта в неделю¹⁹. В Великобритании норма потребления была вполтину меньше²⁰. (Этот коллективный акт затягивания поясов привел к повсеместному улучшению здоровья²¹). В июле 1942-го студия «Дисней» выпустила анимационную короткометражку по заказу федерального Министерства сельского хозяйства под названием «В войне победит продовольствие», в которой земледелие возводилось в ранг гаранта национальной безопасности. В Америке было в два раза больше фермеров, чем у союзников солдат. «Их оружие – бронетанковые силы линии продовольственного фронта²², сельскохозяйственная техника: батальоны комбайнов, полки грузовиков, дивизии кукурузных жаток, картофелеуборочных машин, сеялок, колонны доильных установок».

Вечером 28 апреля 1942 года, спустя пять месяцев после бомбардировки Перл-Харбора и в разгар военных действий в Европе, миллионы американцев собрались у радиоприемников, чтобы послушать президента Рузвельта, который в очередной «беседе у камина» сообщал о ходе войны и предупреждал о грядущих испытаниях, в том числе о том, что потребуются от гражданского населения:

«Не всем нам дана привилегия²³ сражаться с врагом в отдаленных уголках земли. Не всем нам дана привилегия работать на заводе боеприпасов, судовой верфи, на сельхозпроизводстве, на нефтепромысле или в шахте, производя оружие или сырье, необходимые нашим вооруженным силам. Но есть тот фронт и то сражение, где задействован любой житель Соединенных Штатов – будь то мужчина, женщина или ребенок, – и будет иметь привилегию быть задействованным до конца войны. Этот фронт прямо здесь, дома, в нашей каждодневной жизни, в наших каждодневных делах. Здесь, дома, каждый будет иметь привилегию отказать себе в том, в чем будет необходимо, не только ради снабжения наших воинов, но и для того, чтобы укрепить и обезопасить экономику нашей страны как во время войны, так и после нее. Конечно, это потребует отказаться не только от роскоши, но и от многих других повседневных благ. Каждый добропорядочный американец осознает свою личную ответственность... Как я говорил вчера в Конгрессе, этот план самоотверженности не вполне верно описывать словом «жертва». Когда, на исходе этой великой борьбы, мы спасем наш свободный образ жизни, мы не принесем никакой «жертвы».

Отдавать правительству 94 % своего дохода – непосильное бремя. Жить на продовольственные талоны – суровое испытание. Не иметь возможности ездить со скоростью быстрее тридцати пяти миль в час – досадное неудобство. Тушить вечером свет – немного раздражает.

Несмотря на то что для многих американцев война была чем-то «далеким», кажется вполне разумным, что граждан, остававшихся «дома», безопасности которых в целом ничто не

¹⁶ 56 км.

¹⁷ В ОДИНОЧКУ: Pursell, "When You Ride ALONE."

¹⁸ Выдавали по карточкам: George C. Marshall Foundation, "National Nutrition Month."

¹⁹ 1,13 кг.

²⁰ Была вполтину меньше: Collingham, *Taste of War*.

²¹ Повсеместному улучшению здоровья: British Nutrition Foundation, "How the War Changed Nutrition."

²² Продовольственный фронт: Walt Disney Productions, *Food Will Win the War*.

²³ Не всем нам дана привилегия: Roosevelt, "Fireside Chat 21."

угрожало, попросили немного затемниться. Как бы мы посмотрели на того, кто в разгар великой борьбы за спасение не только миллионов жизней, но и «нашего свободного образа жизни», счел бы выключение света слишком большой жертвой?

Разумеется, войну было бы невозможно выиграть *только* тем коллективным актом – для победы потребовалось призвать на военную службу шестнадцать миллионов американцев, потратить более четырех триллионов долларов²⁴ и объединить усилия с вооруженными силами более десятка других стран. Но представьте, что войну нельзя было бы выиграть *без* этого. Представьте, что этот ежевечерний щелчок выключателя был бы необходим для того, чтобы предотвратить вхождение нацистских флагов в Лондон, Москву и Вашингтон. Представьте, что без этих часов тьмы невозможно было бы спасти десять с половиной оставшихся в мире евреев²⁵. Как тогда бы мы расценили гражданскую самоотверженность?

Мы не принесем никакой «жертвы».

---

²⁴ Более четырех триллионов долларов: Daggett, *Costs of Major U.S. Wars*.

²⁵ Оставшихся в мире евреев: Sifferlin, “Global Jewish Population.”

Неудачный материал

2 марта 1955 года афроамериканка, севшая в автобус в Монтгомери, штат Алабама, отказалась уступить место белому пассажиру. Эту сцену с чувством разыграет любой американский школьник, который так же умело воссоздаст сцену первого Дня благодарения (с пониманием смысла), станет кидать чайные пакетики с бумажного кораблика (с пониманием смысла) и, водрузив себе на голову бумажный цилиндр, прочитает по памяти Геттисбергскую речь (с пониманием смысла).

Вероятно, вы думаете, что знаете имя той первой женщины, которая отказалась пересесть в конец автобуса, но, скорее всего, вы его не знаете. (Я вот до недавних пор не знал). И это не совпадение и не случайность. В какой-то мере для триумфа движения за гражданские права о Клодетт Колвин нужно было забыть.

* * *

Для большинства людей основная угроза человеческой жизни²⁶ – штурмующие со всех флангов бедствия в виде все более разрушительных ураганов и повышения уровня океана, все более сильных засух и уменьшения водных ресурсов, набирающих площадь мертвых зон в океане, массивных нашествий насекомых-вредителей и ежедневного исчезновения лесов и животных видов – неудачный материал для обсуждения. Когда мы в принципе обращаем внимание на этот глобальный кризис, он для нас все равно что война *где-то за границей*. Мы осознаем его опасность для нашего существования²⁷ и злободневность, но не чувствуем себя в его эпицентре. Эта разница между осознанием и ощущением может стать препятствием к действию даже для здравомыслящих и политически активных людей, которые *хотят* действовать.

Когда бомбардировщики пролетают над головой, как в Лондоне в военное время, выключение света само собой разумеется. Когда бомбят побережье, это уже не само собой разумеется, даже если опасность как таковая так же велика. А когда бомбы падают где-то за океаном, в сам факт бомбардировки верится с трудом, даже если вы знаете, что она происходит на самом деле. Если мы не начнем действовать, пока не почувствуем кризис, который любопытным образом относим к «окружающей среде», словно разрушение нашей планеты является просто сопутствующим фактором, нам всем придется посвятить себя решению задачи, у которой больше не может быть решения.

Отказ от «заграничного» свойства глобального кризиса недоступен воображению. Осмыслить сложность и масштаб угроз, перед лицом которых мы оказались – дело невероятно изнурительное. Нам известно, что изменение климата имеет некоторое отношение к загрязнению воздуха, некоторое отношение к углекислому газу, температуре океана, тропическим лесам, ледниковым шапкам... но большинство из нас затруднились бы объяснить, каким образом наше личное и коллективное поведение способствует усилению ураганного ветра²⁸ почти на тридцать миль в час²⁹ или появлению полярного циклона, из-за которого в Чикаго становится холоднее, чем в Антарктиде. Еще мы с трудом припоминаем³⁰, насколько мир уже изменился: мы не особенно возражаем против предложений вроде строительства десятимильной дамбы вокруг Манхэттена, мы миримся с повышением страховых взносов и погодными ката-

---

²⁶ Угроза человеческой жизни: Vidal, "Protect Nature."

²⁷ Для нашего существования: Milman, "Climate Change."

²⁸ Способствует усилению ураганного ветра: Rice, "Yes, Chicago Will Be Colder Than Antarctica."

²⁹ 48 км.

³⁰ Мы с трудом припоминаем: Rebuild by Design, "The Big U".

клизмами – вторгающиеся в мегаполисы лесные пожары, ежегодные «самые высокие наводнения за тысячу лет», небывалое количество смертей от небывало аномальной жары стали для нас просто погодой.

Мало того, что из глобального кризиса не получается темы, на которую говорить просто, из него не получается темы, говорить на которую *выгодно*. Она не способна ни убедить нас, ни даже заинтересовать. Главные основополагающие цели гражданской активности и искусства – захватывать и преобразовывать, вот почему изменение климата в качестве тематики показывает такие низкие результаты в обеих сферах. Показательно, что судьба нашей планеты занимает в литературе даже меньшее место, чем в общем культурном дискурсе, несмотря на то что большинство писателей считают себя особенно чувствительными к мирским истинам, не снискавшим широкого распространения. Возможно, причина кроется в том, что писатели также особенно чувствительны к выбору «цепляющего» материала. Повествования, из века существовавшие в нашей культуре – народные сказания, религиозная литература, мифы, определенные исторические события, – отличаются сюжетным единообразием, описывают захватывающую борьбу между злодеями и героями и завершаются моралью. Поэтому инстинкт диктует нам представлять изменение климата – если представлять вообще – в качестве захватывающего, апокалиптического события в будущем (а не разнообразного по проявлениям, постепенного процесса, растянутого во времени), а промышленность по добыче природного топлива – в качестве деструктивного начала (а не одной из нескольких сил, требующих нашего внимания). Описать глобальный кризис – абстрактный и разнородный, медлительный, не имеющий знаковых фигур и вех – одновременно и правдиво, и увлекательно кажется невозможным.

* * *

Клодетт Колвин³¹ была первой женщиной, арестованной за отказ пересест на другое место в автобусе в Монтгомери. До выхода на сцену Розы Паркс, чье имя знакомо большинству из нас, оставалось еще девять месяцев. И когда настал ее черед противостоять автобусной сегрегации, она вовсе не была, как рассказывают, просто усталой швеей, возвращавшейся домой после долгого рабочего дня. Она была активисткой движения за гражданские права (секретарем местного отделения Национальной ассоциации содействия прогрессу цветного населения), посещала семинары по социальной справедливости, обедала с влиятельными юристами и участвовала в разработке стратегических планов движения. Розе Паркс было сорок два года, она была замужем и принадлежала к уважаемой семье. Клодетт Колвин было пятнадцать, она была из бедной семьи и беременна от женатого мужчины намного старше себя. Лидеры движения за гражданские права – в том числе и сама Роза Паркс – считали биографию Колвин слишком неподходящей, а ее саму слишком ненадежной для того, чтобы стать героиней крепнущего движения. Из нее не получалось удачного материала.

Что, если бы Иисуса Христа не распяли, а утопили в ванне – распространилось ли бы тогда христианство? Будь Анна Франк мужчиной средних лет, который прятался за посудным шкафом, а не девочкой незабываемой красоты, прятанной за книжным, – снискал бы ее дневник такое же читательское признание? До какой степени на ход истории повлияли цилиндр Линкольна, набедренная повязка Ганди, усы Гитлера, ухо Ван Гога, кадении Мартина Лютера Кинга, факт того, что башни-близнецы оказались двумя самыми легко разрушаемыми зданиями на планете?

Случай Розы Паркс одновременно и подлинный исторический эпизод, и небылица, созданная для того, чтобы войти в историю. Как и все канонические фотографии³² – солдат,

³¹ Клодетт Колвин: Rumble, “Claudette Colvin.”

³² Как и все канонические фотографии: Poirier, “One of History’s Most Romantic Photographs.”

поднимающих флаг над Иводзимой, целующейся пары с «Поцелуя у здания муниципалитета» Робера Дуано и лондонского молочника, шагающего по обломкам разрушенных бомбежками зданий, фотография Розы Паркс³³ в автобусе была постановочной. Позади нее сидит сочувствующий ей журналист, а не разъяренный сторонник расовой сегрегации. И, как она сама впоследствии признавала³⁴, на самом деле все было вовсе не так просто – не так запоминаемо, – как в «уставшей женщине велели пересест из передней части автобуса в заднюю». Но, понимая важность интерпретации, она сделала достоянием публики самую вдохновляющую версию событий. Паркс проявила мужество, став героиней своего материала, и героизм, став одним из его авторов.

История не только представляет собой удачный материал в ретроспективе, удачный материал сам *становится* историей. Для судьбы нашей планеты – и судьбы нашего вида по совместительству – это серьезная проблема. Как сказал морской биолог и кинематографист Рэнди Олсон³⁵: «Вполне возможно, что климат – это самый скучный предмет из тех, что научный мир когда-либо представлял публике». Большинство попыток интерпретировать кризис либо и правда являются научной фантастикой, либо отвергаются как научно-фантастические. История изменения климата очень редко излагается в форме, пригодной для постановки в детском саду, и практически никогда в форме, способной выжать слезу у родителей. Перетащить катастрофу из-за границы нашего созерцания в дом наших сердец кажется совершенно невозможным. Как писал Амитав Гош в «Великом беспорядке»: «Климатический кризис также является кризисом культуры³⁶, а следовательно – кризисом воображения». Я бы назвал его кризисом веры.

³³ Фотография Розы Паркс: Rothman and Aneja, “Rosa Parks.”

³⁴ Она сама впоследствии признавала: Sullivan, “Bus Ride.”

³⁵ Кинематографист Рэнди Олсон: Revkin, “Global Warming.”

³⁶ Климатический кризис также является кризисом культуры: Ghosh, *Great Derangement*, 9.

Я знаю, что ничего не знаю

В 1942 году двадцативосьмилетний католик и участник польского подполья, Ян Карский, взял на себя миссию отправиться из оккупированной нацистами Польши в Лондон и дальше – в Америку, чтобы сообщить мировым лидерам о том, что творят немцы. Готовясь к путешествию, он встретился с несколькими группами Сопротивления, получив от них информацию и свидетельства для передачи на Запад. В своих мемуарах он описывает встречу с главой Еврейского союза социалистов:

«Лидер Бунда молча подошел ко мне³⁷. Он схватил меня за руку так яростно, что мне стало больно. Я с трепетом посмотрел в его безумные, буравящие глаза, и меня тронула глубокая, невыносимая боль в его взгляде. «Скажите лидерам еврейского народа, что это не вопрос политики или тактики. Скажите им, что твердь земная должна разверзнуться до основания, мир должен восстать на дыбы. Скажите им, что они должны найти силу и мужество пойти на жертвы, на которые никогда ранее не шел ни один государственный деятель, жертвы столь же тяжкие, как и судьба моих умирающих соплеменников, и такие же беспрецедентные. Это то, чего они не понимают. Цели и методы немцев не имеют прецедента в истории. Демократические режимы должны отреагировать столь же беспрецедентно, выбрать в ответ неслыханные доселе методы...»

«Вы спросите меня, какой план действий я предлагаю лидерам еврейского народа. Скажите им обратиться во все важнейшие правительственные учреждения Англии и Америки. Скажите не уходить, пока они не получают гарантий, что решение о спасении евреев найдено и согласовано. Не позволяйте им ни есть, ни пить, пусть они умрут медленной смертью на глазах у всего мира. Пусть они умрут. Возможно, тогда совесть мира встрепенется».

В июне 1943 года, пережив путешествие настолько опасное, насколько это можно вообразить, Карский прибыл в Вашингтон. Там он встретился с судьей Верховного суда Феликсом Франкфуртером, одним из величайших умов юриспруденции в истории США, который сам был евреем. Выслушав доклад Карского о ликвидации варшавского гетто и массовых уничтожениях в концентрационных лагерях и задав ему ряд все более детальных вопросов («Какова высота стены, отделяющей гетто от остального города?»), Франкфуртер принялся молча шагать по комнате, потом сел обратно на стул и произнес: «Господин Карский, такой человек, как я, говоря с таким человеком, как вы, должен быть полностью откровенен. Поэтому я должен сказать, что не в силах поверить тому, что вы мне рассказали». Когда товарищ Карского стал умолять Франкфуртера принять доклад, тот ответил: «Я не сказал, что этот молодой человек лжет. Я сказал, что не в силах ему поверить. Мой ум и мое сердце устроены так, что не позволяют мне этого принять».

Франкфуртер не подвергал сомнению правдивость рассказа Карского. Он не оспаривал того, что немцы планомерно уничтожали европейских евреев – его собственных родственников. Он также не ответил, что, несмотря на то что доклад убедил его и поверг в ужас, он ничего не мог сделать. Вместо этого он признал не только собственную неспособность поверить в правду, но и осознание этой неспособности. Совесть Франкфуртера не встрепенулась.

Наши умы и сердца отлично подходят для выполнения одних задач и плохо подходят для других. Нам хорошо даются расчеты траектории движения урагана и плохо – решения убраться с этой траектории. Наша эволюция заняла сотни миллионов лет в условиях, мало похожих на современный мир, и поэтому мы зачастую испытываем желания, страхи и равнодушие, которые не соответствуют современным реалиям и не отвечают им. Мы чрезмерно заиклены на

---

³⁷ Лидер Бунда молча подошел ко мне: Lewin and Bartoszewski, *Righteous Among Nations*.

сиюминутных и внутренних нуждах – нас тянет на жирное и сладкое (что вредно для людей, живущих в мире, где и то и другое доступно по первому требованию), мы с преувеличенной бдительностью следим за детьми на игровых площадках (при этом игнорируем опасности для их здоровья посерьезнее, например перекармливаем их жирным и сладким) – оставаясь равнодушными к тому, что смертельно, но *где-то там, далеко*.

Не так давно Хэл Хершфилд, психолог из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, провел исследование³⁸, в ходе которого выяснил, что, когда испытуемых просили описать себя в будущем, хотя бы через десять лет, результаты функциональной МРТ их мозга имели больше сходства с результатами, полученными при описании незнакомцев, чем с результатами, полученными при описании себя в настоящем времени. Однако, когда испытуемым показывали цифровым способом состаренные изображения их самих, это расхождение менялось, как менялось и их поведение. В ответ на просьбу распределить тысячу долларов между четырьмя вариантами: сделать подарок любимому человеку, потратить на развлекательное мероприятие, положить на текущий банковский счет или на пенсионный счет, те, кто видел себя в старости, положили на пенсионные счета в два раза больше денег, чем те, кто не видел.

То, что визуализация усиливает эмоциональные реакции, широко доказано³⁹. Исследователями описаны несколько интересных факторов, влияющих на «сочувственную предвзятость»⁴⁰: узнаваемость жертвы (способность наглядно представить страдание во всех подробностях), принадлежность к «своей» группе (указание на социальную близость к страданию) и эффект корреляционного сочувствия (представление состояния жертвы не просто статично ужасным, а ухудшающимся). Группа исследователей провела эксперимент по сбору пожертвований путем адресной почтовой рассылки с участием около двухсот тысяч потенциальных благотворителей. Если в отправлении указывалось имя конкретного человека в противоположность безымянной группе, пожертвования возрастали на 110 %. Если благотворитель и реципиент принадлежали к одной религиозной группе, пожертвования возрастали на 55 %. Если бедность реципиента представлялась возникшей недавно, а не хронической, пожертвования возрастали на 33 %. Объединение всех этих факторов⁴¹ увеличивало пожертвования на 300 %.

Сложность глобального кризиса в том, что он наталкивается на множество факторов имманентной «бесчувственной предвзятости». Несмотря на то что многие сопутствующие изменению климата бедствия – прежде всего погодные катаклизмы, наводнения и лесные пожары, вынужденное переселение и нехватка ресурсов – наглядны, относятся к конкретным людям и предполагают ухудшение ситуации, в совокупности они такими не кажутся⁴². Вместо того, чтобы служить опорами для постоянно дополняемой картины бытия, они кажутся абстрактными, отдаленными и разрозненными. Как написал журналист Оливер Беркман⁴³ в «Гардиан»: «Если бы клика злонамеренных психологов собралась на секретной подводной базе, чтобы сварганить кризис, справиться с которым человечество оказалось бы совершенно не готово, они не смогли бы придумать ничего лучше изменения климата».

Так называемые отрицатели изменения климата⁴⁴ отвергают вывод, к которому пришли 97 % ученых-климатологов: планета нагревается из-за деятельности человека. Но как насчет тех из нас, кто якобы согласен с тем, что изменение климата вызвано человеком? Мы можем не

³⁸ Психолог из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, провел исследование: Hershfield, “Better Decisions.”

³⁹ Широко доказано: Там же.

⁴⁰ «Сочувственную предвзятость»: Sudhir et al., “Sympathy Biases.”

⁴¹ Объединение всех этих факторов: Institute for Operations Research and the Management Sciences, “Carefully Chosen Wording.”

⁴² В совокупности они такими не кажутся: Ballew et al., “Global Warming as a Voting Issue.”

⁴³ Написал журналист Оливер Беркман: Burkeman, “Climate Change Deniers.”

⁴⁴ Отрицатели изменения климата: Nuccitelli, “Climate Consensus”; NASA, “Scientific Consensus.”

думать, что ученые лгут, но способны ли мы поверить их словам? Поверь мы им, это неминуемо заставило бы нас осознать наш неотложный моральный долг, заставило бы встрепенуться нашу коллективную совесть и побудило бы нас добровольно идти на мелкие жертвы в настоящем, чтобы избежать катастрофических в будущем.

В самом по себе рациональном принятии правды нет ничего добродетельного. И оно нас не спасет. В детстве мне часто говорили: «Ты же понимаешь, что так нельзя», – когда я делал что-нибудь неподобающее. Именно в *знании* и заключалась разница между ошибкой и проступком.

Если мы принимаем за правду фактическое положение дел (что мы разрушаем планету), но не способны в это *поверить*, мы ничем не лучше тех, кто отрицает существование изменения климата, вызванного человеком, так же как Феликс Франкфуртер был ничем не лучше отрицавших холокост. И когда будущее установит разницу между этими двумя видами отрицания, какое из них будет роковой ошибкой, а какое – непростительным преступлением?

Уезжай, поверь, живи

За год до того, как Карский покинул Польшу, чтобы поведать миру об уничтожении европейских евреев, моя бабушка бежала из своей польской деревни, чтобы спасти свою жизнь. Она оставила дома бабушек и дедушек по матери и отцу, мать, сестру, брата, двоюродных братьев и сестер, и друзей. Ей было двадцать лет, и она знала то же, что и все остальные: что фашисты продвигаются на восток, занимая ту часть Польши, которая была оккупирована советскими войсками, и что до их прихода остаются считанные дни. На вопрос, почему она уехала, она всегда отвечала: «Я чувствовала, что нужно что-то делать».

Моя прабабушка, которую расстреляли на краю братской могилы с падчерицей на руках, наблюдала, как моя бабушка собирала вещи. Обе молчали. Это молчание было их последней беседой. Зная не меньше, чем дочь, мать не чувствовала, что нужно было что-то делать. Ее знание было просто знанием.

Младшая сестра моей бабушки, которую потом застрелили, когда она пыталась обменять какую-то безделушку на еду, в тот день вышла из дома вместе с ней. Она сняла с себя свою единственную пару туфель и отдала их моей бабушке. «Тебе так везет, что ты едешь», – сказала она. Мне рассказывали эту историю множество раз. В детстве мне слышалось: «Тебе так везет, что ты веришь».

Возможно, это и вправду было везением. Если бы во время бабушкиного отъезда что-нибудь пошло не так – заболела бы или влюбилась в кого-нибудь – возможно, ей бы не повезло уехать. Те, кто остался, были ничуть не менее смелы, разумны, находчивы или меньше боялись смерти. Они просто не верили, что грядущее чем-то отличается от того, что они уже столько раз пережили. Вера не пробуждается усилием воли. Ни доводами – будь они еще лучше, еще громче, еще благонамереннее – ни даже неопровержимыми доказательствами вы можете заставить кого-нибудь во что-то поверить. Вот как режиссер Клод Ланцманн изложил это в своем прологе к «Отчету Карского», документальному фильму о приезде Карского в Америку:

«Что есть знание?»⁴⁵ Что могут сведения об ужасе, буквально неслыханном, значить для человеческого мозга, не готового их воспринять, потому что речь идет о преступлении, которому нет примеров в истории человечества?... Раймона Арона, ранее бежавшего в Лондон, спросили, знал ли он, что творилось тогда на Востоке. Он ответил: «Я знал, но не верил в это, а раз я в это не верил, то, значит, не знал».

Иногда мне грезится, как я хожу из дома в дом в бабушкином местечке, хватаю оставшихся людей и кричу им в лицо: «Вы должны что-нибудь сделать!» Эти грезы посещают меня в доме, который – *я это знаю* – потребляет, поглощает значительную часть всей потребляемой мной энергии, и – *я это знаю* – представляет собой тот ненасытный образ жизни, который – *я это знаю* – разрушает нашу планету. Я способен представить, что кому-нибудь из моих потомков грезится, как он хватается за меня и кричит мне в лицо: «Ты должен что-нибудь сделать!» Но я не способен на веру, которая подвигла бы меня что-нибудь сделать. Значит, я ничего не знаю.

Как-то утром, когда мы ехали в школу, мой десятилетний сын оторвал взгляд от книги, которую читал, и сказал: «Нам так повезло, что мы живем».

Вот то, чего я не знаю: как увязать мою благодарность за жизнь с поведением, предполагающим полное к ней безразличие.

Уходя из дома, моя бабушка взяла зимнее пальто, хотя на дворе был июнь.

---

⁴⁵ Что есть знание? Brody, “The Unicorn and ‘The Karski Report.’”

Истериическое

Однажды летним вечером 2006 года восемнадцатилетний Кайл Холтраст ехал на велосипеде по краю встречной полосы в восточной части Тусона, когда его сбил «Шевроле Камаро» и метров десять протащил под собой. Увидев это, Томас Бойл-младший, пассажир оказавшегося рядом грузовика, выпрыгнул из машины и побежал на помощь. Под действием адреналина он схватил «Камаро» за раму спереди и поднял, продержав на весу сорок пять секунд, пока Холтраста вытаскивали из-под колес. Объясняя, почему он сделал то, что сделал⁴⁶, Бойл сказал: «Я был бы просто чудовищем, если бы видел, как кто-то так мучается, и даже не попытался бы помочь... Я все думал: а что, если бы это был мой сын?» Он чувствовал, что должен был что-то сделать.

Но вопрос о том, *как* он сделал то, что сделал, поставил его в тупик: «Сейчас бы у меня ни за что не получилось бы поднять эту машину». Мировой рекорд в становой тяге составляет 500 килограммов. «Камаро» весит почти полторы тонны. Бойл, никогда не занимавшийся тяжелой атлетикой,⁴⁷ продемонстрировал то, что называется «истерической силой» – физический подвиг, совершенный перед лицом жизни и смерти, превосходящий обычные человеческие возможности.

Машину над телом Холтраста поднял один невероятный человек, но потом многие люди прижимали машины к обочине, чтобы дать «Скорой» подъехать быстрее. Они сыграли в спасении юноши такую же важную роль, но мы не видим в их действиях ничего выдающегося. Поднять машину в воздух – это максимум того, что способен сделать человек. Прижать машину к обочине при виде «Скорой» – минимум. Жизнь Кайла зависела и от того, и от другого.

Когда я учился в начальной школе, полицейские и пожарные каждый год выступали перед нами, чтобы воспитывать в нас гражданскую ответственность и научить, как действовать в случае опасности. Помнится, пожарный говорил, что каждый раз, как мы видим «Скорую», нам нужно представлять, что она везет того, кого мы любим. Какая жуткая мысль для детских мозгов! Особенно потому, что она не порождает нужных ассоциаций. Мы уступаем дорогу «Скорой помощи» не потому, что она может везти кого-то, кого мы любим. Мы уступаем ей дорогу не потому, что так положено по закону. Мы делаем это, потому что *так принято*. Уступать дорогу «Скорой помощи» – это одна из общепринятых норм поведения, так же как соблюдать очередь и выбрасывать мусор в урну, которая настолько укоренилась в нашей культуре, что мы ее даже не замечаем.

Нормы могут меняться, или их могут игнорировать. По Москве в начале 2010-х⁴⁸ разъезжало множество «Скорых»-такси – микроавтобусов, снаружи закамуфлированных под кареты «Скорой помощи», но роскошно отделанных изнутри, за поездку в которых платили больше двухсот долларов в час с целью избежать печально известных городских пробок. Трудно представить, чтобы эту идею одобряли те, кто не пользовался их услугами. Эти такси оскорбительны, не потому что извлекают преимущество из каждого по отдельности (большинству из нас такая машина никогда не встретится), а потому что попирают нашу готовность приносить жертвы ради всеобщего блага. Они паразитируют на наших благородных порывах. Во время Второй мировой войны тыловые затемнения приводили к мародерству, а выдача продуктов по карточкам – к подделкам и воровству. После прямого попадания сброшенной люфтваффе

---

⁴⁶ Почему он сделал то, что сделал: Huicochea, “Man Lifts Car.”

⁴⁷ Никогда не занимавшийся тяжелой атлетикой: Wise, Extreme Fear, 25–27.

⁴⁸ По Москве в начале 2010-х: “Russia’s Rich.”

бомбы в лондонский ночной клуб на Пикадилли⁴⁹ спасателям приходилось отгонять тех, кто пытался снять с погибших драгоценности.

Но это всё крайности. Практически всегда наши правила поведения и личины, этими правилами сформированные, настолько трудноразличимы, что практически невидимы. Разумеется, мы не разъезжаем в такси, закамуфлированных под «Скорую помощь», но многие из наших жизненных привычек покажутся нашим потомкам настолько же возмутительными (и даже хуже). [В странах, использующих латиницу], слова «Скорая помощь» на капотах машин пишутся в зеркальном порядке, чтобы водители едущих впереди машин смогли прочесть их в зеркале заднего вида. Можно сказать, эти слова пишутся для будущего – для машин, которые едут впереди. Точно так же как находящийся в машине «Скорой» не может видеть слова «Скорая помощь», так и мы не можем прочесть историю, которую создаем, она написана в зеркальном порядке, чтобы ее прочли в зеркале заднего вида те, кто еще не родился.

Слова «стихийное бедствие» происходят от латинского *emergere*, что означает «поднимать, выносить на свет».

Слово «апокалипсис» происходит от греческого *apokalyptein*, что означает «открывать, обнажать».

Слово «кризис» происходит от греческого *krisis*, что означает «решение».

В нашем языке закодировано понимание того, что катастрофы чаще всего обнажают то, что прежде было скрыто. По мере того, как чередой стихийных бедствий перед нами разворачивается глобальный кризис, наши решения обнажают нашу сущность.

Разные задачи требуют и вдохновляют на разные ответные действия. Вполне уместно бить тревогу, если человека придавило машиной, но тот, кто из-за крошечной протечки покидает свой во всех прочих отношениях замечательный дом, самым тревожным образом превышает пределы необходимого. Чего требует состояние нашей планеты и на какие действия оно вдохновляет? И что, если оно не вдохновляет на то, чего требует, что, если мы окажемся теми, кто включает световые сигналы на машинах, чтобы избежать пробок, но не выключает свет дома, чтобы избежать разрушения?

---

⁴⁹ Ночной клуб на Пикадилли: Rennell, "Blitz 70 Years On."

Игры на чужом поле

Несмотря на многочисленные примеры проявления истерической силы, она никогда не наблюдалась в лабораторной среде, потому что создание необходимых для нее условий противоречит этике. Но, даже оставив за скобками случаи, имеющие свидетелей, есть причины считать ее настоящим феноменом, включающим в себя воздействие электрических разрядов на мышцы (которые демонстрируют силу, намного превосходящую ту, что развивается усилием воли) и показатели спортсменов в важнейших соревнованиях. В том, что подавляющее большинство мировых рекордов устанавливается на Олимпийских играх, когда зрительская аудитория намного больше, чем на любых других соревнованиях, и ставки намного выше, нет никакого совпадения. Спортсмены больше радеют о победе, и это помогает им поднажать.

В любых видах спорта отдельные спортсмены и команды чаще выигрывают, выступая дома. (Помимо того что большинство мировых рекордов устанавливается на Олимпийских играх, страна-хозяинка всегда ведет в счете). Частично это можно объяснить тем, что спортсмены лучше высыпаются в собственных постелях, едят домашнюю еду и играют на домашнем поле. Частично тем, что судьи подсуживают своим командам. Но возможно, что наибольшее преимущество обеспечивают болельщики: игра на стадионе, полном собственных фанатов, порождает уверенность и мощную заинтересованность в победе. Исследование, проведенное в немецкой Бундеслиге⁵⁰, продемонстрировало, что преимущество домашнего поля выше на тех стадионах, где футбольное поле не окружено беговым треком, чем на тех, где такой трек есть. Чем ближе к полю находятся болельщики, тем сильнее ощущается их присутствие – тем больше дом *ощущается* домом.

Было бы естественным предположить, что, если мы сможем проявить должную волю для борьбы с глобальным кризисом, то нам нужно проявить и должную заботу. Нам нужно будет отнестись к Земле как к единственному дому, не считая это образным выражением – не умом, а нутром. Как сказал психолог Дэниел Канеман, лауреат Нобелевской премии, первым обнаруживший, что наш мозг функционирует в медленном (созерцательном) и быстром (интуитивном) режимах: «Чтобы подтолкнуть человека к действию⁵¹, необходимы эмоции». Если мы и дальше будем относиться к борьбе за спасение планеты как к игре на чужом поле в середине сезона, мы обречены.

Очевидно, фактам не под силу подтолкнуть нас к действию. Но что, если мы не сможем вызвать необходимые эмоции и поддерживать их на нужном уровне? Я упорно борюсь с собственными реакциями на глобальный кризис. Мне кажется очевидным, что я забочусь о судьбе нашей планеты, но если эта забота выражается в затратах времени и энергии, то нельзя отрицать, что меня намного больше заботит судьба одной отдельно взятой бейсбольной команды на этой планете, «Вашингтон Нэшнлз» из города моего детства. Мне кажется очевидным, что я не отношусь к отрицателям климатических изменений, но веду себя как один из них. Я разрешаю детям прогуливать школу, чтобы поучаствовать в волне болельщиков в день открытия бейсбольного сезона, но не делаю практически ничего, чтобы противостоять будущему, в котором наш родной город окажется под водой.

Когда я готовил материал для этой книги, обнаруженные мною факты часто меня шокировали. Но они редко меня трогали. Когда же я бывал тронут, чувство это было преходящим и никогда не достигало той глубины или продолжительности, какие необходимы для долгосрочного изменения поведенческих привычек. Даже сведения, повергшие меня в ужас, вроде холодящего кровь очерка Дэвида Уоллеса-Уэллса «Необитаемая Земля», на момент публика-

---

⁵⁰ В немецкой Бундеслиге: Dohmen, “In Support of the Supporters?”

⁵¹ «Чтобы подтолкнуть человека к действию»: Marshall, *Don't Even Think About It*, 57.

ции ставшего самой читаемой статьей в истории журнала «Нью-Йорк», не смогли заставить мою совесть восторгнуться или навсегда в ней застрять. В этом нет вины самого очерка, который мало того, что стал настоящим откровением, талантливо написан и читается с удовольствием – с каким можно читать только научно-популярные пророчества о конце света. Это вина предмета очерка. Найти для описания глобального кризиса такие слова, чтобы тебе поверили, мучительно, ужасно трудно.

Томасу Бойлу-младшему была не нужна информация, которая вдохновила бы его поднять «Камаро» над Кайлом Холтрастом, ему были нужны чувства: «Я все думал, а что, если бы это был мой сын?» Но что, если бы эта эмоциональная связь оказалась не настолько сильной? Поднял бы он машину – смог бы, попытался бы? – если бы ему было труднее представить Холтраста своим сыном? Будь Холтраст старше или другой расы? Что, если бы Бойл видел симуляцию происшедшего на экране, и ему сказали бы, что подъем трех тысяч фунтов⁵²

---

⁵² 1360 кг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.